

включены в Международный индекс цитирования (Institute for scientific Information, Philadelphia). Создание серии словарей 1993, 1998, 2003, 2004 годов (В. Кемеров осуществлял их общую редакцию) позволило сотрудникам кафедры не только воплотить результаты своих исследований, но также выявить новых реальных и потенциальных кандидатов на участие в различных проектах кафедры, в том числе и проектах научной школы.

В настоящее время кафедра и соответствующая школа осуществляют фундаментальную подготовку по современной социальной философии, которая трактуется как дисциплина, придающая современный облик не только рассмотрению проблем общества, но и описаниям бытия, познания, культуры. Разрабатываются новые спецкурсы, расширяется сеть научных контактов, для решения комплексных задач привлекаются молодые исследователи. Обновление тем, проблем и методов философского исследования происходит в соответствии с выработанными кафедрой принципами, что обеспечивает в обозримом будущем ее устойчивое развитие. У кафедры есть сайт на русском и английском языках⁴.

¹ О характере подобной работы можно судить по авторскому составу следующих изданий: Современный философский словарь. М., 1996; Современный философский словарь. Лондон, 1998; 2-е изд. М., 2004; Социальная философия: Слов. М., 2003.

² Подробнее см.: Гуманитаризация обществознания: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2004.

³ См., напр.: Обществознание // Современный философский словарь. Лондон, 1998.

⁴ Более подробные сведения о направлениях работы кафедры можно получить на сайте: <http://www2.usu.ru/philosophy/soc.phil/>

Б. В. Емельянов

ФИЛОСОФСКАЯ ДИСКУССИЯ 1947 ГОДА И СУДЬБА ФИЛОСОФА

Кто говорит, что в поле он не воин?
Он в поле воин даже и один.

Н. А. Заболоцкий

Философская дискуссия 1947 года, проведенная под непосредственным контролем ЦК ВКП (б), заняла в политизации отечественной философии свое место, явившись лишним свидетельством непрестанного контроля над ней со стороны партии. Воспоминания и архивные материалы одного из активных участников этой дискуссии, старшего научного сотрудника Института философии РАН Захара Абрамовича Каменского (1915—1999), став-

шие доступными для историков философии, позволяют проанализировать истоки и последствия этой дискуссии под модусом его личного участия.

З. А. Каменский закончил философский факультет Московского института истории, философии и литературы в 1938 году, а затем аспирантуру на философском факультете МГУ под руководством В. Ф. Асмуса и за 20 дней до начала войны, 2 июня 1941 года, защитил кандидатскую диссертацию «Из истории русской философии. П. Я. Чаадаев» и тогда же приступил к работе в Институте философии. А спустя месяц с московским ополчением ушел на фронт, где воевал до декабря 1942 года.

После ранения, пролежав полгода в госпитале, он вновь вернулся в Институт философии и включился в его работу. По воспоминаниям, работающих в Институте было немного, и работа в основном сосредоточилась вокруг написания и издания шеститомной «Истории философии». Третий том был завершен к концу 1942 года и тогда же издан.

З. А. Каменским была написана на него рецензия, опубликованная в журнале «Под знаменем марксизма»¹. Коллективу авторов этого тома была присуждена Сталинская премия. А далее начались события, которые на долгие годы определили судьбу З. А. Каменского как ученого и человека.

В одном из писем Сталину (тогда обращение с письмами именно к Сталину было обычной практикой), которое, как считается, написал заведующий кафедрой философии МГУ З. Я. Белецкий, указывалось на неверную трактовку в 3-м томе немецкой классической философии как одного из теоретических источников марксизма, тогда как ее надо оценивать не апологетически, а не более как аристократическую реакцию на французский материализм и Просвещение. ЦК ВКП (б) в 1944 году принял специальное постановление, осудившее концепцию 3-го тома как апологетическую по отношению к немецкой классической философии. Сталинская премия с его авторов была снята, а руководители авторского коллектива — Б. Э. Быховский, М. Б. Митин, П. Ф. Юдин — освобождены от своих должностей. На философском фронте, как тогда говорилось, возникла определенная напряженность. За этим явным постановлением стояло еще одно секретное постановление о состоянии философской науки... Тогда же был обсужден и пятый том, посвященный русской философии².

Чтобы определиться с расстановкой сил и тенденциями развития философии в стране, Центральный комитет партии предложил обсудить вышедшую двумя изданиями книгу начальника Главного управления агитации и пропаганды ЦК Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии»³. В январе 1947 года такое обсуждение состоялось. По воспоминаниям З. А. Каменского, присутствующих было мало, и проходило оно спокойно, без резких идеологических оценок — слишком высокий пост занимал критикуемый автор. «Спокойное течение январской дискуссии было нарушено З. А. Каменским, который не очень много рассуждал об ошибках Александрова, но зато резко и отчетливо поставил вопрос о свободе философского исследова-

ния. Каменский заявил о засилии бюрократизма и протекционизма в руководстве наукой и поставил под сомнение профессиональные способности начальства»⁴. Г. С. Батыгин и И. Ф. Девятко этот свой вывод подтверждают ссылкой на документы, хранящиеся в архиве РАН. У нас есть возможность усилить это утверждение ссылкой на документ, хранящийся в личном архиве З. А. Каменского. Это его письмо Сталину и Ворошилову, датированное 7 марта 1944 года. На 17 страницах убористого машинописного текста ученый излагает свое видение «нездоровых явлений», которые тормозят развитие философии в стране. Не убоившись высоких имен адресатов, он заявил, что современная философская мысль находится в критическом состоянии, и обозначил причины этого кризиса. К ним он отнес:

1. Игнорирование разработки собственно предмета философии. Вместо того, чтобы заниматься разработкой философских проблем, развивать дальше философское знание, философия видит свою задачу «в том, чтобы *свести* всякое новое рассматриваемое явление или область явлений к тем или иным старым “результатам”, цитатам классиков марксизма-ленинизма. А между тем подлинная задача заключалась в обратном: исходя из основных идей, из “результатов”, нужно идти дальше, вперед, развивать их на новом научном и общественно-историческом материале, осознавать новые явления, достигать новых результатов.

Ввиду такого смешения философской задачи родилась особая, я бы сказал “марксистская”, схоластика, подобная аристотелевской, — сведение нового содержания к старой, уже известной формуле»⁵.

2. Слабая подготовка философских кадров. На единственном в стране только что созданном факультете МГУ «молодые философы воспитываются в том же духе начетничества, “цитатничества”, а не в духе творческого дерзания»⁶.

3. Молодые философские кадры ориентируются на «практическую» работу, далекую от собственно философских исследований. «Из *верной посылки*: философ не должен отрываться от практики — общественной деятельности — делается *ложный вывод*: философом не может быть тот, кто уделяет философии свое основное внимание и время»⁷. Эта формула — «философ становится самим собой лишь оставив собственную науку» — распространяется и на руководящие кадры. Философией руководят не действующие философы, а когда-то в ней работавшие.

4. Централизованная и протекционистская политика в деле публикации философской литературы. Беспрепятственно печатаются лишь произведения авторов, занимающих руководящие государственные, политические и — реже — научные посты. «Автору же, специально работающему в области философии, чрезвычайно трудно пробиться в публичность даже тогда, когда его произведения дают больше, нежели произведения, часто поверхностные, но принадлежащие перу “высокопоставленного” лица»⁸. Аналогичная, если не хуже, ситуация в периодических изданиях, которые боятся «постановочных» проблем, выходящих за рамки «ортодоксии».

5. Отсутствие в философской среде печатных и устных дискуссий, обмена мнениями. Причина — в «боязни теоретического заблуждения», поскольку «в период борьбы с ревизионистскими течениями философские споры оканчивались квалификацией участников по тем или иным ревизионистским школам и политическим группам, что, в свою очередь, вело к отстранению от теоретической деятельности и педагогической работы»⁹.

По каждому из обозначенных недостатков З. А. Каменский предложил достаточно четкие, практически ориентированные решения по их преодолению.

И еще один аспект этого письма, ставший спустя несколько лет важнейшим пунктом обвинений З. А. Каменского, обращает на себя внимание. Приведем этот отрывок полностью: «Не по уму усердствующие “теоретики” русской культуры проводят, быть может и бессознательно, идеи расизма, когда пытаются доказать, что все русское испокон веков было “хорошим”, “гуманным”, “демократичным”, а иностранное, особенно немецкое, — чуть ли не со времен Карла Великого — было “плохо”, “человеконенавистно”, покидая, таким образом, почву исторического материализма и — хотя из благих намерений — но все же воскрешая реакционные славянофильские традиции»¹⁰.

Не известно, прочитал ли Сталин это письмо, но известно другое: он принял решение провести новую — уже Всесоюзную — дискуссию с приглашением философов из вузов и научных учреждений Ленинграда, Киева, Минска и других городов страны, а руководить дискуссией было поручено члену Политбюро ЦК ВКП (б) А. А. Жданову. Не анализируя философскую составляющую этой дискуссии¹¹, обратимся к ее политическому содержанию. Дискуссия в полной мере отразила политизацию отечественной философии, ее зависимость от идеологических «установок» партии.

З. А. Каменский принял участие в этой дискуссии 1947 года, но слова ему не дали, а его выступление опубликовали в стенограмме¹². Воспроизведем самохарактеристику этого выступления из его воспоминаний: «Я критиковал бюрократические и протекционистские пороки в организации нашей научной работы, в системе публикации научных трудов по общественным наукам... Это пороки — одна из форм зажима критики и творческой инициативы, осуществлявшегося руководителями философской науки»¹³. «Я говорил “о трусливом и бюрократическом торможении публикаций оригинальных исследований”, о боязни ошибок и т. п.»¹⁴, «о том, что во главе нашей философии стоят люди, которые ничем не заявили себя в науке. Называя их по именам (М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, директора Института философии в 40-х годах В. И. Светлов и Г. С. Васецкий)»¹⁵, «я сравнивал их с руководителями академических институтов других отраслей науки, являвшихся лидерами в своих науках, крупными учеными, и показал, насколько философия отставала от других наук в этом отношении. Речь шла и о том, что в тогдашней советской философии царил политический прагматизм, а “большая наука”, “подлинный академизм” были в загоне, широкие и специализированные исследования не проводились»¹⁶.

Как видим, он почти дословно повторяет свой анализ состояния отечественной философии, изложенный ранее в письме Сталину и Ворошилову. О своем несогласии с теоретическими положениями доклада А. А. Жданова и своем видении проблем дальнейшего развития историко-философского знания он написал большое письмо Жданову, а затем и Сталину¹⁷. Что же касается актуального для него вопроса о состоянии дел с изучением истории русской философии, то свою позицию З. А. Каменский изложил в статье «К вопросу о традициях в русской материалистической философии 18—19 веков»¹⁸. Как вспоминает автор, «в статье я стремился определить само понятие традиции в истории философии, подчеркнуть теснейшую связь развития русской мысли с западно-европейской, отчленив вопрос об оригинальности философской мысли от вопроса о ее теоретической предпосылке, потому что на дискуссии и в предшествующей литературе эти вопросы были смешены... Особое место в статье занял вопрос о ленинизме, обсуждавшийся в том же теоретико-историческом контексте: опирается ли ленинизм в области философии “по преимуществу” на национальную традицию или на западную — на марксизм?.. По ходу анализа и споров обсуждался также вопрос об этике ученого, о честности его перед наукой, читателем, наконец, перед самими историческими фактами, которые не были в чести у представителей официальной науки. Я доказал, что тогдашние лидеры этой отрасли философии не чувствуют необходимой ответственности, политизируют по своему усмотрению науку, свои выводы, изменяют свою точку зрения в угоду политической ситуации и без какого-либо научного обоснования»¹⁹.

Такая позиция не могла не вызвать резкого неприятия у философского «начальства» и его приспешников. З. А. Каменского и тех, кто придерживался аналогичной позиции, подвергли остракизму. В центральной печати развернулась кампания, уже тогда названная «борьбой с космополитизмом». Началась травля ученого, наклеивание политических ярлыков. О смысле клеветнических обвинений в его адрес говорят названия статей, в которых упоминается его имя: «Против буржуазной идеологии космополитизма», «Против антимарксистских и космополитических “теорий” в философии» и др.²⁰ Стиль этих публикаций носил характер не научной полемики, а разноса, похожего на донос. К примеру, в редакционной статье «Разоблачать проповедников космополитизма в философии» было заявлено: «Антипатриот З. Каменский проповедовал антиленинскую идею об отсутствии материалистической традиции в русской философии и заявлял, что истоками русской философии являются немецкий идеализм и прежде всего Шеллинг. Писания космополита Каменского являются перепевом клеветы веховца Гершензона, давно разоблаченного Лениным»²¹. В статье С. Г. Батыгина и И. Ф. Девятко «Пятый пункт основного вопроса философии. Эпизоды 40-х годов» со ссылкой на архив РАН приводятся многочисленные высказывания и документы, в которых упоминается имя Каменского-«космополита»²².

О политическом характере кампании борьбы с космополитизмом З. А. Каменский вспоминал: «Тогдашние порядки были таковы, что если начина-

лась какая-либо политическая кампания, то, как и в 30-е годы в кампании по поиску “врагов народа”, на каждом участке “фронта” любой науки обязательно надо было разыскать представителя того “извращения марксизма-ленинизма”, против которого велась политическая кампания... Нужно было найти и разоблачить врага — космополитизм в философии, и я оказался одним из наиболее подходящих для этого кандидатов. Картина обсуждения резко изменилась. Вместо объективного рассмотрения пошли в ход идеолого-политическая брань, всякого рода напраслина, возводимая на меня, на мою статью и тех, кто находил в ней интересные и продуктивные идеи»²³.

Позже в одном из писем в ЦК (уже после XX съезда партии) Каменский дал развернутую характеристику кампании «борьбы с космополитизмом». Суть этой кампании, по его мнению, заключалась в следующем:

«1. Кампания была чрезвычайно раздута в том смысле, что утверждалось наличие в нашей стране сознательных сторонников буржуазной идеологии космополитизма и даже не отдельных сторонников, а разветвленного, оформленного направления космополитизма. Но такого оформленного направления не существовало, оно было придумано как таковое, а для “доказательства” его существования космополитические идеи приписывались людям, совершенно не причастным к подобным заблуждениям...

2. В кампанию был внесен шовинистический элемент, когда в литературе стали выступать лица, любящие, по словам Ленина, “проводить под флагом “общих” рассуждений об интернационализме, космополитизме, национализме и т. п. политическую контрабанду...”

3. В связи с этой кампанией к сравнительно большой группе лиц были применены административные санкции — их уволили с работы, лишая права печататься, подвергли обструкциям на собраниях и т. п.

4. Подвергаемые критике лица самым грубым, антидемократическим образом лишались нормальных возможностей ведения дискуссии — возможности разъяснять и развивать свои взгляды, разоблачать возводимую на них клевету и, в свою очередь, подвергать критике тех, кто выступает под флагом критики космополитизма...»²⁴

В результате философской науке был нанесен значительный ущерб. Он заключался в том, что отечественная философия попала в еще большую изоляцию и отстраненность от развития зарубежной философии и еще большее распространение получила «теория бесконфликтности» и «лакировки» российской мысли. Из рядов философов была удалена значительная часть опытных исследователей. Из Института философии в марте 1949 года был уволен и З. А. Каменский. В течение нескольких лет он, имевший ученую степень, не мог найти никакой работы. А его многочисленные просьбы секретарям ЦК, председателю Совета министров, президиуму АН СССР дать ему работу оставались без ответа. Наконец, в октябре 1950 года З. А. Каменскому разрешили работать учителем логики в средней школе № 461 Москвы. А на просьбы о

принятии в докторантуру или на работу в Институт истории, Якутский филиал АН и другие учреждения он получал отказы.

Свою научную деятельность З. А. Каменский не прекращал. Ежедневно работая в Ленинской библиотеке, он подготовил докторскую диссертацию «Философские идеи русского Просвещения», которую защитил в 1966 году (монографию под этим названием он опубликовал лишь в 1971 году) и большое количество статей для Большой, Малой и философских энциклопедий, для Философского словаря. Почти все они были опубликованы без указания фамилии автора. Но для З. А. Каменского-ученого оставалась еще одна, не менее актуальная проблема — судьба его научных изысканий. В письме Н. С. Хрущеву в мае 1953 года он пишет: «Все эти годы, с момента увольнения и по сегодняшний день, я, несмотря на тяжелое моральное, и, в период безработицы, тяжелое материальное положение, не прекращал исследовательской работы по своей научной специальности. Я написал за это время книгу о мировоззрении декабристов (на эту тему нет ни одной монографии ни в советской, ни в дореволюционной литературе). Я работал и работаю в настоящее время над большой монографией по истории русской философии первой четверти XIX века. (Также совершенно не исследованной темой, при изучении которой мне удалось установить много неизвестных явлений и сделать ряд важных обобщений.)»²⁵ Просьба ученого достаточно скромна: обсудить в научной среде и опубликовать книгу о декабристах (заметим, что она до сих пор не издана) и позволить работать в любом научном учреждении. Выполнение последней просьбы ученого растянулось еще на несколько лет.

Он вернулся в Институт философии в 1968 году и имеет право сказать словами П. Я. Чаадаева: «Я горжусь тем, что сохранил всю независимость своего ума и характера в том трудном положении, которое было создано для меня»²⁶.

Научная принципиальность, поразительная работоспособность, глубочайшее знание истории отечественной философии позволили Захару Абрамовичу Каменскому преодолеть все препоны политизации советской философии и остаться в ее истории одним из известных деятелей.

¹ См.: Под знаменем марксизма. 1943. № 3.

² См.: Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова: эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 135.

³ См.: Александров Г. Ф. История западноевропейской философии М., 1945; 2-е изд. М., 1946.

⁴ Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело академика Г. Ф. Александрова: эпизоды 40-х годов // Человек. 1993. № 1. С. 143.

⁵ Каменский З. А. Письмо к Сталину и Ворошилову от 7 марта 1944 г. // Арх. автора. С. 6.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Там же. С. 13.

⁹ Там же. С. 14.

- ¹⁰ Там же. С. 2.
- ¹¹ См.: Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 6: Изживая «ждановщину». М., 1991.
- ¹² См.: Вопр. философии. 1947. № 1.
- ¹³ См.: Там же. С. 375.
- ¹⁴ Там же. С. 376.
- ¹⁵ Там же. С. 377.
- ¹⁶ Каменский З. А. Философская дискуссия 1947 года. Преимущественно по личным воспоминаниям // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. Вып. 6. С. 19—20.
- ¹⁷ Там же. С. 106.
- ¹⁸ См.: Вопр. философии. 1947. № 2.
- ¹⁹ Каменский З. А. Философская дискуссия 1947 года. С. 24—25.
- ²⁰ См.: Против буржуазной идеологии космополитизма // Вопр. философии. 1948. № 2; Щипанов И. Я. Против буржуазного объективизма и космополитизма // Там же; Митин М. Б. Против антимарксистских и космополитических «теорий» в философии // Лит. газ. 1949. 9, 16 марта.
- ²¹ Культура и жизнь. 1949. 10 марта.
- ²² См.: Человек. 1993. № 2. С. 109—118.
- ²³ Каменский З. А. Философская дискуссия 1947 года. С. 25—26.
- ²⁴ Он же. О кампании борьбы с космополитизмом // Арх. автора. С. 2—3.
- ²⁵ Он же. Письмо Н. С. Хрущеву от 4 мая 1953 г. // Арх. автора.
- ²⁶ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 2. С. 158.

В. М. Русаков

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЗОЛОТЫХ РОССЫПЕЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНОСТИ
К 70-летию заслуженного деятеля науки
Российской Федерации, профессора Б. В. Емельянова**

Создание философского факультета Уральского государственного университета, сорокалетие которого мы отмечаем в 2005 году, означало возникновение своеобразного явления в истории духовной культуры нашего Отечества — Уральской философской школы. У истоков ее стоят замечательные ученые, наши учителя и коллеги: М. Н. Руткевич, Л. М. Архангельский, К. Н. Любутин, Л. Н. Коган, А. Ф. Еремеев, И. Я. Лойфман, В. В. Ким и многие другие.

Празднование сорокалетия Уральской философской школы совпало с юбилеем заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора философских наук, профессора Бориса Владимировича Емельянова.

Б. В. Емельянов — выпускник философского факультета Ленинградского университета. В философскую науку он пришел зрелой, сложившейся лично-